Н. В. Богомолова

«СТРАСТЬ» И «ЛЮБОВЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОМ ОСВЕЩЕНИИ И. А. ГОНЧАРОВА (РОМАН «ОБРЫВ»)

Работа представлена кафедрой русской литературы
Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Л. И. Шевцова

В статье изложены основные выводы о роли и значении категории «страсть» в романе И. А. Гончарова «Обрыв». Писатель приходит в своих размышлениях

к следующим выводам: страсть обладает разрушительной, испепеляющей силой, но лишь она дает человеку истинное знание жизни. Страсть – понятие физической категории, лишь «очистившись» от страсти, человек способен на высшее нравственное чувство – любовь.

Ключевые слова: страсть, страдание, любовь, нравственность, эволюция.

The basic conclusions about the role and importance of the category «passion» in I. A. Goncharov's novel «The Precipice» are stated in the article. The writer comes to the following conclusions: passion possesses destructive, sizzling force, but it is passion that gives a person true knowledge of life. Passion is a concept of a physical category; only a person, who has purified from passion, is capable of the supreme moral feeling – love.

Key words: passion, suffering, love, morals, evolution.

В «Обыкновенной истории» И. А. Гончаров обращался к проблеме юношеской влюбленности, непостоянства трепетного чувства. Во втором романе трилогии автор углубляет типологическую характеристику интимных чувств. В романе «Обломов» четкое разграничение получают понятия «влюбленность», «любовь», «страсть», писатель размышлял о границах между этими оттенками любовного чувства и тех условиях, при которых совершался переход от одного к другому. В романе «Обрыв» понятие «страсть» едва ли не вытесняет все остальные. К «страсти» устремлено авторское внимание, и эта сосредоточенность на ней сообщается главным героям – Райскому, Вере, Волохову. В общей сложности слово «страсть» на страницах романа встречается более 260 раз! В писательском сознании эта константа наполняется столь неповторимыми, богатыми красками, что, кажется, трудно подобрать эпитетов больше, чем это сделал И. А. Гончаров.

Какую же характеристику этому явлению дает автор и его герои? «Неизлечимая страсть» [1, с. 40], страсть – «гроза жизни» [1, с. 107], «пучина страсти» [2, с. 61], «пожар страсти» [2, с. 207], «жгучая и разрушительная страсть» [2, с.208], «горячка страсти» [2, с. 295], «дымящаяся язва страсти» [2, с. 309], «животный эгоизм страсти» [2, с. 373] и т. д. Итак, страсть, по мысли И. А. Гончарова, – жгучее, разрушительное, жестокое, властное, болезненное, мучительное, опасное чувство, которое незаметно, «неосязаемо» подкрадывается к человеку, как хищник, покоряет его волю, опьяняет, затмевает ему глаза сладостными муками, сжигает, испепеляет человека изнутри, а взамен оставляет лишь «дымящиеся язвы», горечь, разочарование. Отсюда – многочисленные ассоциативные ряды, сопоставляющие страсть со сферой огня. В письме к С. А. Никитенко от 21.08.1866 И. А. Гончаров замечает: «Вы говорите, что я знаю только безобразие страсти, а не красоту ее: это не совсем так. Страсть всегда безобразна, красоты в ней быть не может, или она – не страсть» [3, с. 362]. Любовь для писателя – глубоко духовное чувство, страсть же содержит в себе греховное начало.

Болезненное действие страсти на себе ощущает не только влюбленная Вера, не искушенная в этом вопросе и своим личным опытом пришедшая к ее мукам, но и теоретик, «проповедник» страсти, Борис Райский, призывающий любить «открыто, всенародно», не страшась старых моральных запретов. На примере Райского писатель являет стадии мучения, которые проходит человек, пылающий страстью. Сначала – стремление окружить Веру вниманием, руководить каждой ее мыслью, наивные попытки «образовать» девушку; затем – выслеживание, создание видимости «случайных» встреч. Небрежно сказанное Верой, стремящейся скрыть истину, «вас люблю», надолго «усыпля-

ет» бдительность Райского, заставляет его испытывать воодушевление самообмана, вновь возноситься из бездны безнадежности и мучиться сомнениями. Но дело в том, что эти-то мучения, вера в невозможное и составляют главное счастье человека, которого «одолела» страсть. Отсюда и авторская оценка этого явления – «болезнь-страсть».

На примере трагедии Веры писатель воплощает самый горестный, с его точки зрения, «сценарий» развития страсти, так как в чистой натуре такая страсть помимо душевного борения порождает еще и муки совести, сознание своей греховности. В авторской трактовке симпатии Веры к Тушину проскальзывает очень важное замечание. «Не полюбила она <Вера> его <Тушина> страстно, – то есть физически: это зависит не от сознания, не от воли, а от какого-то нерва (должно быть, самого глупого, думал Райский, отправляющего какую-ту низкую функцию, между прочим влюблять)…» [2, с. 390]. Итак, по мысли автора, страсть – категория сложная, подчас неуловимая, загадочная, бессознательно возникающая в человеке, по власти какого-то «глупого нерва». Испытав на себя эту физическую, «нервную», сторону страсти, Вера отрезвляется, избавляется от ее власти, довлеющей над собой, остается наедине с «дымящейся язвой страсти» и только так, пройдя через страдания, излечивается от своей болезни.

Леонтий Козлов, безусловно, испытывает глубокую, искреннюю, беззаветную, духовную любовь к своей неверной Уленьке. Но эта любовь приближается к понятию страсти в том смысле, что охватывает всю сущность Козлова, не дает ему видеть очевидных вещей, заставляет верить чуть ли не в святость этого «греческого профиля». Его любовь слепа, потому граничит со страстью. «Ее нет – вот моя болезнь! Я не болен, я умер: и настоящее мое, и будущее – все умерло, потому что ее нет…» [2, с. 215].

Способность к страстным переживаниям дана всем людям. Страсть питает Савелий, дворовый мужик Татьяны Марковны, не развитый духовно, интеллектуально. Совет Райского дать Марине полную свободу вызывает у Савелия недоумение, несмотря на произнесенные им самим минутой ранее слова: «Сгинуть бы ей, проклятой!» [2, с. 75]. В такое состояние человека может повергнуть только болезнь-страсть.

И вместе с тем, считает автор, лишь страсть дает истинное знание жизни, более того, становится «искрой» самой жизни. Символическим воплощением значения страсти в жизни является та неуловимая точка в глазах, которую Райский мучительно пытается «поймать» и запечатлеть на своих картинах. Он, со своим художественным чутьем, верно угадывает ее «оживляющую» роль, она одна придает столько «живой» жизни человеку, сколько не может принести даже фактически верное изображение лба, носа, овала лица и т. д. Райский работает над портретом Софьи Беловодовой, но на холсте она остается холодной и величественной, как и в действительности. Только заронив тень сомнения в душу Софьи, «может быть сожаление о даром потерянном прошлом» [1, с. 111], он чутко улавливает и внешние изменения – «первые, робкие лучи жизни… какое-то волнение, может быть бессознательную жажду любви» [1, с. 111]. Вот тогда Райский смог поставить на портрете ту заветную точку, благодаря которой художник Кирилов отмечает в его работе «искру жизни», «эти глаза, эту страсть» [1, с. 134].

Как и в «Обломове», в «Обрыве» автор четко разграничивает понятия «страсть» и «любовь». Райский и Вера спорят о чувствах. Вера не признает счастья в страсти. «Счастье, говорят, в глубокой, сильной любви…» [2, с. 66]. Райский же убежден, что существует лишь страсть, все прочее – то, что остается после нее. «… “святая,

глубокая, возвышенная любовь" – ложь! Это сочиненный, придуманный призрак, который возникает на могиле страсти…» [2, с. 66]. Какую позицию в этом рассуждении занимает автор? С одной стороны, последующие романные события дают основания полагать, что И. А. Гончаров не идеализирует «страсть» и не отрекается от «любви» так, как это делает его герой. После «огненной полосы», «сладкой бури» Вера не приходит от «могилы страсти» к «святой, возвышенной любви», а оказывается «на могиле» своих надежд и мечтаний о будущей жизни с любимым человеком. Глубокую, преданную, верную любовь к Вере испытывает Тушин, доказывая тем самым, что любовь не только – не «остывший след» страсти, но и то, что истинная любовь одного человека способна выдержать мучительные последствия страсти другого человека. Чувство Тушина сам автор между тем тоже называет страстью (!), но страстью «чистой, глубоко нравственной» [2, с. 373]. Нравственная страсть, без животного эгоизма, равнозначна глубокой, возвышенной любви. Такая любовь неизбежно соединяется с великодушием и широтой души у Тушина, который в отличие от эгоистично-импульсивного Райского обладает благородством и сдержанностью при глубокой страстности. Вот почему их реакции на тайну Веры столь различны – Райский в порыве обиды и горечи способен проявить жестокость, Тушин готов выполнить все поручения Веры к Марку, сколь тяжело это ни было для него. Он с чуткостью любящего понимает, насколько Вера несчастлива, жалеет ее, а оттого любит еще сильнее. И эта сильная любовь помогает Вере спастись от отчаяния. «Она вздохнула будто свободнее – будто опять глотнула свежего воздуха, чувствуя, что подле нее воздвигается какая-то сила» [2, с. 309]. Так значит, любовь, по мысли писателя, отнюдь не «ложь» [2, с. 66], как Райский убеждает Веру, а правда, все та же «старая», вечная правда, верой в которую только и можно жить. С другой стороны, И. А. Гончаров убежден и в необходимости страсти, она – важный этап в жизни каждого человека. Преодолев ее, он становится мудрее, лучше понимает жизнь. Со временем взаимоотношения очищаются от того импульсивного увлечения, которое несет с собой страсть, и обращаются в любовь как высшую форму чувства.

Важно отметить эволюцию взглядов писателя на любовное чувство. В романе представлены несколько типов любви, различных по степени и характеру чувствования. Изучая жизненные ситуации «любви» и «страсти», И. А. Гончаров подходит в своих размышлениях к очень важному выводу, свидетельствующему об усложнении авторского взгляда на любовь в романе «Обрыв». Любовь – чрезвычайно многогранное явление, поскольку одна любовь включает в себя несколько ее типов. Этот итог автор перепоручает Райскому. «Все образы любви ушли в эту мою любовь. Я люблю, как Леонтий любит свою жену, простодушной, чистой, почти пастушеской любовью, люблю сосредоточенной страстью, как этот серьезный Савелий, люблю, как Викентьев, со всею веселостью и резвостью жизни, люблю, как любит, может быть, Тушин, удивляясь и поклоняясь втайне, и люблю, как любит бабушка свою Веру – и, наконец, еще как никто не любит, люблю такою любовью, которая дана творцом и которая, как океан, омывает вселенную…» [2, с. 201]. Итак, в «Обыкновенной истории» И. А. Гончаров приходил к выводу о типологической общности в эволюции интимных отношений, в «Обломове» более глубоко исследован каждый из видов любви (покровительственной – Ольги к Обломову, трепетной и послушной – Обломова к Ольге, разумной и ровной – Ольги и Штольца и т. д.). В романе «Обрыв» автор углубляет психологическую характеристику многогранного ощущения любви, исследуя, как философ,

оттенки самого загадочного и сложного человеческого чувства. В одном влечении развиваются и концентрируются множество «порывов», «импульсов» сердца и души. Такие ощущения, безусловно, свойственны развитым натурам, подобным Райскому. Эта глубокая, «художественная» любовь является своего рода катализатором жизни, ее необходимым элементом.

Итак, исследуя действие страстей, И. А. Гончаров приходит к важным выводам: страстям подвержены не только чувствительные, развитые люди, подобные Райскому, но и среди крепостных игра страстей необычайно сильна; страсть, губительное, разрушительное чувство, заставляет человека совершать легкомысленные поступки помимо его воли и сознания; страсть не может быть нравственна, это животное чувство, нравственна лишь любовь; именно страсть тем не менее дает человеку истинное знание жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гончаров И. А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5: Обрыв. Ч. 1, 2. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953. 368 с.

2. *Гончаров И. А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6: Обрыв. Ч. 3, 4, 5. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1954. 456 с.

3. *Гончаров И. А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955. 576 с.